

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.10>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 18.04.2023
Accepted: 30.01.2024

THE LANGUAGE OF ANTI-DIGITAL RESISTANCE: FEATURES OF PROTEST NOMINATION FORMATION IN RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA TEXTS¹

Elena V. Marinova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The specifics of the word formation reflecting the certain protest of a society part against the Digital Society concept implementation in the country are considered on the material of Russian-language media texts. The aim of the study is to determine the semantic dominants and pragmatic peculiarities of the new nominations as the interpretive language function realization. The analysis of the material is carried out in line with functional sociolinguistics using the methodology of establishing the cognitive conditionality of language processes. The research resulted in revealing the contents of nominations, which reflect the protest attitude towards the concept of Digital Society. According to the type of the referent the following groups of lexical units are identified: the nominations of digitalization members, of the process itself and its consequences, as well as the foreseen future. The word-building peculiarities of the protest nominations are noted, their role in the key term elements structure of the Digital Society language is emphasized. The 'restriction of freedom' has been revealed to be the common semantic dominant of the new nominations. The coining of the units under consideration is characterized by the use of label-words and word-building formants that are typical of protest nominations. The semantic modification of the Digital Society terms shifts towards the ideologisation of meaning. The language and rhetoric of the official Digital Society concept followers, using their own ideologemes and word markers, are opposed to the language of the anti-digital resistance. The research outlook is in the analysis of pseudo arranging Digital Society nominations, which disguise the actual state of affairs.

Key words: Russian language of the Digital Society, discourse of protest, nomination process, ideologeme, key term elements, semantic dominant.

Citation. Marinova E. V. The Language of Anti-Digital Resistance: Features of Protest Nomination Formation in Russian-Language Media Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 134-146. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.10>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 18.04.2023
Дата принятия статьи: 30.01.2024

ЯЗЫК АНТИЦИФРОВОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ПРОТЕСТНЫХ НОМИНАЦИЙ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ¹

Елена Вячеславовна Маринова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. На материале русскоязычных медийных текстов охарактеризованы номинации, отражающие своеобразный протест части населения России против реализации в стране концепции цифрового общества. Цель исследования – определить смысловые доминанты и прагматические особенности новых номинаций как проявление интерпретирующей функции языка. Работа выполнена в русле функциональной социолингвистики с помощью методики установления когнитивной обусловленности языковых процессов. В результате исследования зафиксирован состав номинаций, отражающих протестное отношение к концепции цифрового общества. В зависимости от типа обозначенного ими референта выделены следующие группы лексических единиц: названия участников цифровизации; самого процесса и его последствий; прогнозируемого будущего. Описаны словообразовательные особенности протестных номинаций, показана роль в

их структуре ключевых терминологических элементов языка цифрового общества (*цифровой, цифро-*). В качестве обшей смысловой доминанты новообразований установлена сема 'ограничение свободы'. Обнаружено, что в создании рассматриваемых единиц использованы характерные для протестных номинаций слова-ярлыки и словообразовательные форманты. Определено, что семантическое преобразование терминов цифрового общества осуществляется в направлении идеологизации значения. Языку антицифрового сопротивления противопоставлены язык и риторика сторонников официальной концепции развития цифрового общества, имеющих свои идеологемы и ярлыки. Перспективы исследования видятся в изучении ложно ориентирующих номинаций в языке цифрового общества.

Ключевые слова: русский язык цифрового общества, протестный дискурс, процесс номинации, идеологема, ключевые терминологические элементы, смысловая доминанта.

Цитирование. Маринова Е. В. Язык антицифрового сопротивления: особенности создания протестных номинаций в русскоязычных медиатекстах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 134–146. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.10>

Введение

Слово *антицифровой* в словарях русского языка пока не зафиксировано. Оно не используется ни в официальных документах, связанных с происходящей в России цифровизацией, ни в текстах федеральных и региональных СМИ, освещающих этот процесс. Однако, изучая формирующийся в настоящее время язык, обслуживающий реализацию в стране идеи цифрового общества (далее – ЦО), мы обратили внимание на предельно широкую сочетаемость ключевого слова этого языка – прилагательного *цифровой*, а также на его незуальные дериваты, представленные в разных дискурсах: *доцифровой* (об эпохе), *биоцифровой*, *цифрометрия* – в медийном, *цифролюция* – в научно-популярном, *цифропокалипсис* – в художественном, *цифровенькие* (иронично о новых технологиях) – в сетевом. Возникло предположение, что есть и другие производные от этого актуального, можно сказать, модного сегодня слова, например **антицифровой*. В подтверждение гипотезы мы обнаружили это производное слово (в сочетаниях со словами *катехизис, мир, прорыв*) на сайтах различных православных онлайн-изданий и информагентств.

Встретилось оно и в названии научной статьи религиоведов Б.К. Кнорре и А.А. Мурашовой «“В начале было Слово...” а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса» [Кнорре, Мурашова, 2021]. Авторы статьи использовали, наряду со словом *антицифровой*, его дериват – *антицифровики* (о противниках цифровизации). Эти факты дали ос-

нование включить в название нашей статьи прилагательное *антицифровой* без кавычек.

Согласно исследованию Б.К. Кнорре и А.А. Мурашовой, противостояние процессу цифровизации в российском обществе началось уже в 90-е гг. XX в., то есть на заре цифровизации [Кнорре, Мурашова, 2021, с. 147]. Оно зародилось в среде верующих, воцерковленных людей, а его идеологами стали православные фундаменталисты, религиозные философы и проповедники, объяснявшие не только верующим, «своим», но и самой широкой публике причины неприятия Русской православной церковью некоторых новшеств надвигающейся цифровой эпохи, таких как идентификационный номер налогоплательщика (ИНН), штрихкод [Кнорре, Мурашова, 2021, с. 147]. Авторы статьи отмечают и новый всплеск антицифрового протеста в связи с запретами на посещение богослужений в пандемию 2020 года. Хотя лингвистическая составляющая антицифрового протеста в их статье не рассматривается (упоминаются лишь отдельные номинации типа *печатать Антихриста* – об ИНН, *проштрихованный гражданин*), авторы делают вывод о том, что «в ходе развития собственного правосознательного языка... происходит демаргинализация АП (антицифрового протеста. – Е. М.)» [Кнорре, Мурашова, 2021, с. 159].

Наше исследование посвящено изучению специфических номинаций, создаваемых участниками антицифрового дискурса. Именно в процессе вербального кодирования актуальных, значимых для говорящего реалий, в процессе стихийного словотворчества актуализируется интерпретирующая функция язы-

ка. С одной стороны, создаваемая номинация уже фактом своего появления выделяет объект, который она обозначает; с другой – она этот объект оценивает, тем самым выражая информацию об отношении к объекту говорящего. Цель исследования – в массиве неузуальных номинаций гомогенного с точки зрения идеологии дискурса определить общие смыслы, которые они выражают, и прагматические особенности.

Материал и методы

Источником для сбора материала послужил сервис «Архив СМИ» (1996–2023 гг.) электронного медиабанка «Интегрум». В качестве поискового запроса использовались ключевые термины-элементы, участвующие в формировании терминологии ЦО, прежде всего прилагательное *цифровой* и его усеченный вариант – *цифро-*. В результате поиска среди исчисляемых тысячами документов были обнаружены не только терминологические сочетания типа *цифровая безопасность*, *цифровой суверенитет* и т. п. (всего более 230 единиц), но и номинации, семантика которых отражает неприятие «цифровой трансформации мира», критическое отношение к этому процессу (*цифрократия*, *цифровой контроль*).

По структуре обнаруженные номинации являются либо однословными, либо составными. По критерию частотности выделяются номинации единичного, «разового» употребления (собственно окказионализмы – *расчеловечиватели*, *цифроволки*) и номинации воспроизводимые, претендующие таким образом на статус узальной единицы, однако не имеющие терминологического характера в силу эксплицитно выраженной резко отрицательной оценочности (*цифровой концлагерь*). Было обнаружено свыше 100 «протестных» номинаций, включая и самоназвания их авторов – *борцы с цифровизацией*, *цифроскептики*.

Анализ собранного материала выполнен в русле функциональной социолингвистики с применением методики установления когнитивной обусловленности языковых процессов: создание неузуальных номинаций изучалось посредством выявления связи между их структурно-семантическими свойствами и основны-

ми процессами познания и интерпретации мира – концептуализацией, категоризацией, оценкой (подробно о них см.: [Болдырев, 2016]), что позволило выявить общую смысловую доминанту номинативных единиц, относящихся к антицифровому дискурсу. Использовались также приемы контекстного (лингвоидеологический) и компонентного анализа.

Исследовательские шаги в ходе описания материала были следующими:

- классификация номинаций по их соответствию с тем или иным референтом и определение количественного соотношения между номинациями обнаруженных групп, целью чего было установление значимого для протестного сознания объекта номинирования;
- анализ номинаций в аспекте их структуры, выбора производящей базы, семантики, способа словообразования (для однословных единиц) с целью описания характерных особенностей протестных номинаций;
- выявление общих сем и прагматического своеобразия новообразований для их лингвоидеологического комментария.

Результаты и обсуждение

В современном русскоязычном дискурсе формируется языковая среда, отражающая критическое отношение некоторых жителей России к официально принятому правительством страны курсу на всеобщую цифровизацию. Этот процесс, отчасти стихийный, проходит параллельно с целенаправленным созданием в официальном дискурсе терминологии ЦО. В обоих случаях используются **общие** ключевые элементы языка ЦО (*цифровой*, *цифро-*). На фоне формального сходства протестных и официальных номинаций одних и тех же современных реалий более заметным становится идеологический контраст между сторонниками и противниками цифровизации.

Обнаруженные с помощью сервиса «Архив СМИ» источники антицифрового контента представляют собой официальные сайты различных политических и общественных организаций, информагентства, коллективные блоги, новостные сайты, интернет-СМИ, онлайн-передачи. Ни один из источников, кроме телеканала (далее – ТК) «Спас», не позицио-

нирует себя как православное СМИ. Авторы протестных материалов выражают критическое отношение к цифровизации в самых разных сферах ее реализации: образование, экономика, юриспруденция, культура и искусство, сфера госуслуг, строительство, медицина, спорт, сельское хозяйство и др., что свидетельствует о выходе антицифрового протеста за рамки православного дискурса.

Излагая свои взгляды, идущие вразрез с официальной линией государства, авторы протестных материалов используют типичные языковые средства идеологизированного дискурса, к которым относятся и новообразования разной степени окказиональности. Объекты, которые они номинируют, характеризуются неодинаковым составом: наименования участников цифровизации, самого процесса и его последствий, номинации тревожного будущего; доминирующая сема обнаруженных наименований – ‘ограничение свободы’. Однословные номинации (около 30 % от общего количества собранных единиц) в подавляющем большинстве (88 %) образованы посредством аффиксидации, в остальных случаях – суффиксации (11,2 %), заменительной деривации – 0,5 %, сложения – 0,2 %, контаминации – 0,1 %.

Основными принципами создания протестных номинаций являются оценочное (пейоративное) переименование, генерализация, доминирование интерпретирующей, а не номинативной функции. Характерные производящие идеологемы (слова-ярлыки и словообразовательные маркеры «идеологической инородности») представляют собой прагматически заряженные номинативные и деривационные средства идеологизации медийного дискурса в целом.

Использование ключевых слов языка ЦО (*цифровой, цифровизация, цифра*) в качестве строевого материала для номинаций, обслуживающих идеологизированный дискурс, создает условия для дальнейшего изменения их семантики – приращения смысла за счет идеологического компонента.

Далее охарактеризуем создаваемые в медиатекстах протестные номинации в соответствии с типом **объекта**, который они обозначают (лицо, процесс, прогнозируемое будущее), и с учетом тех принципов, которые охарактеризованы выше.

Наименования лица

Наиболее представлены в выборке протестные номинации (54 % от общего количества), обозначающие сторонников цифровизации, ее активных (*цифроволки*) или (реже) пассивных участников (*цифриваны*). Устойчивых различий в создании номинаций активных и пассивных участников процесса цифровизации не обнаружено. Судя по нашим материалам, деление на «активных» и «пассивных» намечилось в антицифровом дискурсе, видимо, во время режима ограничений, вызванных пандемией 2020 года. Ср.:

(1) Как **цифроолигархи** разбогатели на коронабесии уже все в курсе? (Здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены. – Е. М.) (Континенталист. 07.01.2021);

(2) Идет большой мировой, а также и внутренний передел в России... А уж сколько будет ковидных или иных волн, которые позволят ковидизировать население в **цифровых пленников** и **рабов** (Akcenty.info. 25.07.2020).

Активность в создании номинаций лица объясняется типическими характеристиками идеологического дискурса. К одной из них относится выраженная оппозиция «свои – чужие», чему посвящена обширная литература (см., например: [Шейгал, 2004; Чудинов, 2007; Чапаева, 2010; и др.]). Для продвижения какой-либо идеи ее автору всегда важно представлять возражения явных или скрытых оппонентов, так называемый «образ врага», в то же время, как пишет Е.И. Шейгал, значима и консолидация со «своими», которой способствует не только наличие общей идеи, общего понятийного поля у единомышленников, но и наличие общих лингвистических идеологем как знаков интеграции [Шейгал, 2004, с. 119].

Противники цифровизации «чужими» считают прежде всего представителей власти и бизнеса – агентов цифровизации. Для их обозначения обычно используют суффиксальный дериват слова *цифровизация* – *цифровизаторы* (вариант: *цифроизаторы*). Номинация не является официальным названием и употребляется только в протестном дискурсе, всегда неодобрительно:

(3) Любопытная деталь: QR-код на корове в фильме – переход на твиттер Рогозина, главы Рос-

комоса. В его компании явно не хватает еще Грефа, тоже из секты **цифровизаторов...** (Сельский час. 24.11.2020);

(4) Согласно пожеланиям Всемирного банка (чьи идеи и внедряют **цифронизаторы** в наше образование), в школах будет собираться информация... о «социально-эмоциональных навыках, личностных и поведенческих установках...» (Родительское Всероссийское Сопротивление (rvs.su). 11.01.2021).

Реже используются (тоже с негативной окраской) суффиксальные дериваты, например *цифровики*, *оцифровщики*, составная номинация *цифровые трансформаторы* и сложение *глобацифровизаторы*:

(5) Пряник за уничтожение собственной профессии: в регионах учреждают премии учителям-**оцифровщикам** образования (Геополитическая блог-платформа. 09.02.2021);

(6) **Цифровые трансформаторы** борются не с какой-то бюрократией и отсталостью, как они нам рассказывают, а с самой природой человека (РИА Катюша. 15.12. 2022).

Зафиксированы многочисленные номинации, создаваемые по общей модели: аффиксид *цифро-* (усечение от *цифровой*) + личное существительное (например, *цифрофашисты*), вариантами которых нередко выступают составные обозначения с полным прилагательным: *цифровые фашисты*. Номинации с *цифро-* имеют более яркую пейоративную окраску по сравнению со словами *цифровизаторы*, *цифровики*, *оцифровщики*. Она создается за счет прагматического потенциала производящих субстантивов: последние представляют собой слова-ярлыки, типичные для любого идеологического или идеологизированного дискурса, см. зафиксированные в «Словаре современных политических ярлыков» единицы: *глобалисты*, *изменники*, *сектанты*, *трансгуманисты*, *фашисты* и т. п. (Сковородников, Копнина). Главное их назначение – указать на «идеологическую инородность», а не обозначить реальные признаки референтов [Шейгал, 2004, с. 123]. Например:

(7) Почему-то один из главных **цифроизменников** нашей Родины не понимает одну простую истину: прибыль с продажи персональных данных в несколько раз перекрывает возможные штрафы (КПРФ.ru. 19.01.2023);

(8) Идея перевести всех на безналичный расчет у **цифрофашистов** бродит постоянно, и это последний раз свидетельствует о кризисе в нашей экономике (NewsTes.ru. 02.06.2017);

(9) **Цифролоббисты** из «Единой России» разрабатывают законопроект о биометрической идентификации новорожденных и малолетних детей (Наша Планета. Мир вокруг нас. 30.12.2018).

Самым частотным словом, образованным по данной модели, является существительное *цифросектанты*. По-видимому, это не случайно: «чужие» интерпретируются противниками цифровизации как секта (см. пример (3)), интересы которой на самом деле расходятся с интересами (ценностями, традициями) большинства. Приведем несколько иллюстраций:

(10) Главной «целью» РФ... является цифровая трансформация страны, т.е. то, чем в последние годы занимается Герман Греф и прочие **цифросектанты** (Континенталист. 03.02.2023);

(11) Вот так отлично выживают **цифросектанты** во власти... (Русский Дозор. 26.01.2023).

«Чужие» осмысливаются в большинстве случаев как некое неопределенное множество субъектов, занимающихся неприемлемой с позиции автора протестного материала деятельностью. Отсюда – доминирующее использование номинаций лица в форме множественного числа (принцип генерализации²), причем такие новообразования, как правило, метафоричны. См. примеры выше, а также:

(12) ЕПГУ по замыслу **цифрочиновников** должен стать центром взаимодействия гражданина с государством... (КПРФ.ru. 21.12.2022);

(13) Вот **цифронаркоманы** ликуют от возможностей цифридола (об искусственном интеллекте. – Е. М.) (Топ-50 – рейтинг постов в блогах рунета. 19.12.2022);

(14) Вы поняли, какие позиции и трансформации приготовили для вас **цифровые чиновники**? (ИТ новости. 21.06.2022);

(15) Не верьте **цифробесам**: российское ПО передает ваши данные за рубеж (Politforums.ru. 03.04.2021).

Однако возможны и более «адресные» номинации, объектом которых являются конкретные представители власти, например:

(16) Эта модель переключалась в нацпрограмму «Цифровая экономика», и теперь ее официально двигает **цифропремьер** Мишустин (Континенталист. 22.02.2023);

(17) Чтобы придать себе вес, Людмила Григорьевна пригласила на совещание еще и **цифроминистра** областного правительства Снегирева... (Другая Тверь. 14.03.2023);

(18) Через педсоветы (местами – не такие публичные и пафосные, как в Вологодской области, для которой записал выступление сам **министр цифроросвещения** Кравцов) власти региона обрабатывают мозги руководства школ... (РИА Катюша. 22.08.2022).

Использование в контекстах, связанных с официальной информацией, неофициальных номинаций (принцип переименования), безусловно, понижает статус референта. Такую прагматическую функцию («понижение в ранге») формант *цифро-* выполняет и в других номинациях, выступающих в протестном дискурсе в роли стилистически сниженных вариантов официальных названий; ср.: *цифровое правительство* и *цифropравительство*, *цифровое образование* и *цифрообразование*, *цифровой рубль* и *цифрорубль* и др.

Наименования процесса

Официальное название процесса, против которого направлены обследуемые нами протестные материалы, – *цифровизация*. Уже в 90-е гг. XX в. этот термин использовали не только как техницизм, обозначающий переход с аналогового способа обработки информации на цифровой, то есть оцифровку, оцифровывание, но и, судя по примерам в НСЗ, слово общественно-политической лексики, именующее внедрение новых технологий во все сферы общественной жизни человека (НСЗ, с. 1265).

В протестном дискурсе отрицательно-оценочные номинации получает и сам процесс цифровизации, и разнообразные его последствия (например, в сфере образования, права, сельского хозяйства, юриспруденции и др.):

(19) Наверно, в первый момент действительно поперхнулся бы (о К.Д. Ушинском. – Е. М.), услышав как министр с помощником пытаются притянуть за уши его педагогическое наследие для оправдания **цифроразрушения** системы образования России (ИТ новости. 05.03.2023);

(20) Название всему этому придумал русский писатель Валентин Курбатов – **цифроз** (VIPvideoClub.ru. 23.02.2021);

(21) Эпоха **цифробесия**: Глобальный Паниковский (Континенталист. 07.01.2021);

(22) Ноосферный человек конечный этап глобализации? ...**Цифрофрения** все более вытесняет аналоговое мышление... (Перемены. 04.03.2023).

В этих и подобных им неофициальных названиях процесса цифровизации задействованы типичные для протестного дискурса модели с формантами *-бесие*, *-френия*, *-безумие*, например, в лексиконе ковид-диссидентов – *вакцинобесие*, *маскобесие*, *коронафрения*, *ковидобезумие*. Можно заметить, что в составе окказиональных новообразований эти форманты выражают общую сему ‘чрезмерная активность, увлеченность, вызванные психическим расстройством’:

(23) Сегодня в обозначившейся тенденции радикальной трансформации правовой ткани общества в **судорогах цифролюционного экстаза** частный нотариат – последняя гарантия вменяемого гражданского оборота (Говорит нотариат. 22.02.2023).

Так, с помощью метафоры болезни, одной из самых распространенных в политическом дискурсе [Чудинов, 2007] и характерных для протестного дискурса [Маринова, 2022a], подчеркивается ненормальность происходящих событий (ср. также: *цифроз* – *психоз*, *цифroidальное (общество)* – *параноидальное*) и проявляется отрицательная оценка, причем не только процесса, обозначенного первым компонентом новообразований, созданных в результате заменительной деривации, но и – имплицитно – непосредственных инициаторов и участников этого процесса как субъектов с нездоровой психикой, одержимых. Не случайно некоторые номинации имеют коррелят – наименование лица: *цифроз* – *цифрозные чиновники*; *цифробесие* – *цифробесы* (см. примеры (14), (15)).

Однако большинство протестных номинаций цифровизации и ее последствий выражают иную идею – несвобода личности в цифровом обществе вследствие антигуманной сущности самого перехода «на цифру»³. Иными словами, цифровизация, цифровые технологии, цифровая революция интерпретируют-

ся как абсолютное зло, направленное против природы человека, свободы личности. Например, характерный для материалов, отражающих подобные идеи, заголовок: *Опасность нашим правам!* предваряет следующее утверждение автора:

(24) ...5-я колонна в московском кремле готовит **цифрофашизм** в России – Новый Мировой Порядок изнутри (Litprichal.ru. 19.12.2022).

Антигуманистический смысл происходящих процессов выражают и встретившиеся нам в обследуемом дискурсе словосочетания на базе существительного *оцифровка*: *оцифровка личности (человека, населения)*. Семантика слова *оцифровка* не предполагает, что объект, на которого направлено действие, живое существо, поэтому выражения реализуют метафору несвободы, подчиненного положения.

Ключевым в таком восприятии цифровизации нередко становится слово *контроль*: пишут о *тотальном* или *глобальном цифровом контроле*, *технологическом контроле*, *едином* или *наднациональном цифровом контроле*, *электронном* или *прямом машинном контроле* и т. п., подчеркивая тем самым опасность потери свободы, ее ограничение в цифровом обществе. Метафорически эту идею в создаваемых протестных номинациях передают определяемые словом *цифровой / цифро-* существительные, именующие различные, чаще тоталитарные, режимы, репрессивные меры, насильственные действия (*гетто*, *диктатура*, *империя*, *казнь*, *концлагерь*, *рабство*, *фашизм* и др.) и нередко служащие в политическом дискурсе ярлыками⁴ – см. пример выше и следующие:

(25) Пора глазки-то открывать: нас готовят к **цифровому гетто** (Сельский час. 24.11.2020);

(26) ...У нас сейчас выстраивается внутренняя **диктатура**, в том числе – **цифровая** (РИА Катюша. 15.12.2022);

(27) Главная борьба разворачивается вокруг попытки Моргулиса... заполучить на свой форум Президента и подвергнуть его «**цифровой казни**» – так метафорично определяет писатель идею оцифровки верховной власти... (Изборский клуб. 28.02.2018);

(28) Если кто-то... решит, что он утратил свое имя и перестанет им пользоваться, то это будет его

личный шаг в «**цифровое рабство**» (Русская идея. 24.01.2022); (см. также: «Биометрическое рабство» – название выпуска передачи на ТК «Спас» от 05.12.2018).

В этом же ряду номинаций находится неологизм-контaminант *цифрократия* (ср.: *технократия*, *Нетократия*), созданный экономистом-международником, публицистом Валентином Катасоновым для характеристики современного периода – эпохи *цифрократии*, и новообразование *цифроконцлагерь*:

(29) Не успели противники **цифроконцлагеря** выдохнуть летом прошлого года, когда в Правительстве заявили об отмене планов по внедрению электронных удостоверений личности, как на совещании в Правительстве 15 февраля... огородили нас возвращением всех этих планов (Русский календарь. 19.02.2023).

Метафора концлагеря по отношению к новым технологиям не нова. В социальной антиутопии Виктора Пелевина «Любовь к трем цукербринам» (2014), рисующей картины «альтернативного» будущего, напоминающие кадры знакового фильма «Матрица» (реж. Л. и Э. Вачовски; 1999), жизнь человека в «системе» определяется рассказчиком как «мировой электронный концлагерь». В создании новообразований протестного дискурса используется и метафора матрицы из одноименного фильма:

(30) Добро пожаловать в новый дивный мир... Очередной закон в рамках **цифроматрицы** глобалистов... (Континенталист. 24.11.2021).

Выражение *электронный концлагерь* встречается в СМИ довольно часто, в том числе в качестве заголовка: так был назван, например, выпуск передачи «До самой сути» на ТК «Спас» от 25.08.2019; см. также название статьи В. Катасонова «Китай: Вход в *электронный концлагерь*» (VIPvideoClub.ru. 23.02.2021).

Примерно с 2020 г. встречается, судя по материалам «Интегрума», производное от слова *цифроконцлагерь* прилагательное, неуступающее по частотности исходному слову. Пишут о *цифроконцлагерных* законах, регионах, экспериментах над населением, *цифроконцлагерном* режиме, пространстве, Китае, «жесте власти» (имея в виду проект ЕБС – единой биометрической системы) и др.

Следует отметить, что сема 'ограничение свободы' является главной в номинациях пассивных участников цифровизации (*цифровые пленники и рабы; узники цифрового концлагеря; рабы цифровой системы; управляемые биообъекты; послушные «цифрованы»* и др.); с ней связан и единственный окказиональный глагол, обнаруженный нами в обследуемом материале (*цифроколонизовать* – сложение на базе слов *колонизовать* и *цифра* в значении 'цифровые технологии'):

(31) Поэтому рост без развития, которую определили для России планировщики ее стирания, вполне их устраивает, чтобы она разрушалась, была донором метрополии, дешевоющим ресурсом на мировом рынке во всех смыслах этого слова, с нищим населением, которое призвали *цифроколонизовать* нашим троянцам (Континенталист. 06.02.2020).

Номинации прогнозируемого будущего

Среди номинативных средств антицифрового дискурса футуристических новообразований не так много, как номинаций лица или процесса. Однако сама тема будущего – мы бы определили ее точнее как тему тревожного будущего (по аналогии с выражением *тревожная реальность* [Купина, 2020]) – занимает в исследуемом дискурсе значительное место. Апелляция к будущему, в котором человечество потеряет свою природу, свободу, подчинится «машине», «цифре», «цифроидолу», обесценится как понятие и превратится в «стадо биороботов» и т. д., в протестном дискурсе служит едва ли не главным доказательством угрожающей опасности цифровизации. Не случайно тема тревожного будущего звучит практически во всех материалах, посвященных последствиям цифровизации (см. примеры (22), (24), (25), (30), (31)), и отражается в некоторых номинациях, рассмотренных выше в связи с идеей несвободы: *цифроматрица, цифрофашизм, цифровое гетто, цифроколонизовать*, соотносятся не только с планом настоящего, но и с планом будущего.

Следует, однако, заметить, что в медиатекстах, освещающих официальную позицию власти в отношении цифровизации, тема будущего тоже регулярно поднимается. При этом

устойчивое выражение *цифровое будущее* используется как нейтральное или же с явной положительной окраской, которая создается благодаря соответствующему словесному окружению, например: *светлое цифровое будущее, новое цифровое будущее, горизонты цифрового будущего, вперед в цифровое будущее*. См. также фрагмент статьи из журнала, тематически связанного с IT, где сочетание *цифровое будущее* входит в оппозицию со словосочетанием *аналоговое прошлое*:

(32) Создатель NFT, Сара Цукер: аналоговое прошлое шоу Сары встречается с **головокружительным** цифровым будущим... (Cryptohamster.org. 06.04.2023).

Востребовано это выражение и в названии различных мероприятий: поисковая система выдает следующие факты – хакатон «*Цифровое будущее*», экспозиция «*Чувашия – регион цифрового будущего*», форум «*Открывая цифровое будущее*», конференция «*Цифровое будущее библиотек*» и т. п. Согласно сайту Posudka.ru цифровое будущее есть даже у бытовых товаров:

(33) **Цифровое будущее** рынка товаров для дома (Posudka.ru. 05.04.2023).

Однако противники цифровизации подобные высказывания воспринимают как утопию, иронизируя над доверчивостью своих идейных противников:

(34) Ну а что, действительно, очень «удобно» для контроля за человеком... отслеживать по его ID, что он читал, чем интересовался, с кем и на какие темы общался. Мечта «**цифрорая**»! (КПРФ.ru. 21.12.2022);

(35) Но вот и опасности для всех вписанных в электронный мир... обратно пропорциональны тем удобствам, которые сулят нам апологеты **цифрорая** (Гатчинка – районная вечерка. 27.12.2018).

С точки зрения авторов протестных материалов, цифровое будущее скорее антиутопия в духе Олдоса Хаксли. *Дивный цифровой мир, дивный новый онлайн-мир, новый дивный цифровой мир, цифрпервобытность* – ироничные названия этой антиутопии. Приведем характерный контекст:

(36) ...Многие нынешние схемы цифровизаторов и ультраглобалистов... это утопии (для большей части человечества – антиутопии), призванные убедить всех в неизбежности их трансгуманистического **новономального мира**... то есть подавить волю людей к сопротивлению их «**дивному новому миру**» (МедиаМера. 30.11.2021).

Частотно также обращение к другому прецедентному тексту футуристической направленности – *новый мировой порядок*. Выражение используется в ироничных контекстах критически настроенными представителями антицифрового сопротивления; нередко подвергается трансформации, например:

(37) Коронавирус это репетиция **нового мирового цифрорядка** под предлогом профилактики пандемии (Континенталист. 30.05.2022).

К футурологическим понятиям цифровой эпохи относится понятие «цифровая цивилизация». По наблюдению некоторых лингвистов, термин *цифровая цивилизация* встречается в «сотнях научных работ» [Волков, Волкова, 2020, с. 68], однако в медиатекстах, избранных для данного исследования, мы его не обнаружили. Тем не менее в контексте нашего исследования значима интерпретация этого термина и понятия в лингвистической литературе. Так, В.В. Волков и Н.В. Волкова пишут, что понятие «цифровая цивилизация» представляет собой феномен «двойного сознания»: одновременно утопия и антиутопия, а по сути, симулякр; сам же термин – косвенная номинация глобализации [Волков, Волкова, 2020, с. 71]. Авторы протестных материалов также связывают «цифропроекты» и «цифроинициативы» по обустройству будущего с процессами глобализации и идеологией глобализма, которые устойчиво ассоциируются с тоталитарными режимами (*тоталитаризм цифровой элиты; цифровой инклюзивный капитализм*) и, как уже говорилось, личной несвободой граждан:

(38) В **будущем цифромире** мы вольемся в единую систему глобального контроля и управления... (Континенталист. 06.12.2021);

(39) Фактически это соглашение о подчинении новому мировому порядку, который будет иметь ярко выраженный окрас «**цифросанитарной диктатуры**» (Накануне.ru. 12.11.2021);

(40) Страна действительно превратится в **один бесконечный тоталитарный цифровой концлагерь** (КПРФ.ru. 21.12.2022).

В целом можно сказать, что с точки зрения создания футуристические номинации не имеют принципиальных отличий от номинаций лиц, номинаций процесса цифровизации и ее последствий. В этой группе, так же как и в двух других, наблюдаются активность модели «*цифро- + сущ.*» и использование слов-ярлыков в качестве опорных компонентов. Однако именно среди номинаций, обращенных к будущему, обнаружены новообразования, отсылающие к прецедентным феноменам. Семантика созданных таким способом наименований (*дивный цифровой мир, цифроматрица*) не только содержит оценку (иронию), что характерно и для семантики номинаций-ярлыков, но и вызывает в сознании адресатов речи конкретный образ будущего, сформированный прецедентными феноменами, прежде всего художественными произведениями.

Заключение

Рассмотренные в статье неузальные номинации, создающие язык антицифрового сопротивления, выполняют оценочную и интерпретирующую функции. Оценочность передается с помощью традиционных средств организации идеологического, политического дискурса – слов-ярлыков, метафоры болезни. Новым является использование в протестных номинациях усеченного варианта «ключевого слова текущего момента» – аффиксоида *цифро-*. Серийность номинаций с его участием, во-первых, формирует определенную коннотацию форманта: он становится маркером критического отношения к обозначаемому; во-вторых, составляет специфику антицифрового дискурса с точки зрения языковых средств, делает узнаваемым этот сегмент медиадискурса.

Интерпретирующая функция номинаций отражает процесс концептуализации происходящих в ходе цифровизации изменений, наблюдаемых и ожидаемых последствий. Так, смысловой доминантой в семантике создаваемых авторами антицифрового контента обозначений (номинаций лиц, процессов, будущего или настоящего) становится идея несвободы личности. Материальным носителем этой идеи в протестном дискурсе становятся ключевые

термины и терминологические элементы официального языка ЦО (*цифровой, цифровизация, оцифровка, цифра*). Погруженные в протестный контекст, эти единицы дискредитируются соответствующим словесным окружением, заряженным негативной оценкой (ср.: *насильственная, принудительная, насаждаемая, насильственно внедряемая цифровизация* и в дискурсе сторонников «цифры» – *всеобщая, полная*). Если принять во внимание, что свое идеологическое оружие есть и у сторонников цифровизации (например, зафиксированы ироничные обозначения их оппонентов: *цифровые анархисты <диссиденты, луддиты, пессимисты>; цифрофобы*), то можно утверждать, что в условиях мировоззренческого противостояния ключевые термины языка ЦО являются идеологемами: в медийных текстах более актуальным оказывается не их строго понятийное содержание, не их первичное терминологическое (техническое) значение, отражающее связь с новой (не аналоговой) технологией, а идеологический компонент и иллюкативный заряд.

Наш вывод подтверждает наблюдения за прагматическим использованием в современном дискурсе таких терминов ЦО, как *экосистема, цифровая экономика, цифровая цивилизация, искусственный интеллект, цифровая личность* [Алтухов, Афинская, 2021; Волков, 2020а; 2020б; Волков, Волкова, 2020; Клементьева, 2022; Маринова, 2023]. Из прагматических установок, реализуемых рассмотренными в статье номинациями, наиболее значимы, по-видимому, для авторов антицифровых материалов следующие: обозначить оппозицию «свои – чужие»; дискредитировать «чужих»; выразить негативную оценку происходящим процессам, интерпретируемым как антигуманные; через словесные образы тревожного будущего апеллировать к здравому смыслу своих оппонентов с предупреждающей интенцией.

Как утверждают специалисты, изучающие протестный контент, одна из причин, вызывающих сопротивление со стороны части социума, – вербальный обман, словесное ретуширование в языке власти [Манакина, 2011, с. 129]. Перспективы исследования мы видим в области изучения ложно ориентирующих, непрозрачных терминологических номинаций в языке ЦО (*цифровой портрет, цифровое*

портфолио, цифровая зрелость и др.), камуфлирующих реальное положение дел.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>.

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>.

² О генерализации сообщения как одной из особенностей оппозиционной прессы см., например: [Какорина, 2000, с. 420].

³ Переосмыслению концепции человека, границ личной свободы в цифровую эпоху посвящена обширная литература как отечественных, так и зарубежных авторов: А. Барикко, С. Жижек, Г. Ловинк, Евг. Морозов, Ю.Н. Харари, У. Эко и др. (подробно об этом см.: [Маринова, 2022б, с. 163]).

⁴ Арсенал средств в новообразованиях русского языка коронавирусной эпохи тот же: *ковид-фашизм, карантин-концлагерь, ковидо-гетто, корона-диктатура* [Маринова, 2022а, с. 457].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтухов А. В., Афинская З. Н., 2021. К вопросу о пластичности термина *экосистема* // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. С. 109–116.
- Болдырев Н. Н., 2016. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. С. 10–20. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20
- Волков В. В., 2020а. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11, № 4. С. 745–759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759
- Волков В. В., 2020б. «Цифровая экономика»: лингвистические и лингвоментальные аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. С. 135–139. DOI: 10.30853/filnauki.2020.7.24
- Волков В. В., Волкова Н. В., 2020. «Цифровая цивилизация»: утопия, антиутопия или симулякр? // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала : Чечен. гос. пед. ун-т : АЛЕФ. С. 67–72.
- Какорина Е. В., 2000. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца

- XX столетия (1985–1995). М. : Яз. рус. культуры. С. 409–426.
- Клементьева А. А., 2022. К вопросу о функционировании термина *искусственный интеллект* в современном научном и публицистическом дискурсе // Мир русского слова. № 4. С. 14–23. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-14-23
- Кнорре Б. К., Мурашова А. А., 2021. «В начале было Слово...», а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса // Мир России. Т. 30, № 2. С. 146–166. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-146-166
- Купина Н. А., 2020. Пандемия коронавируса: метафорическая диагностика тревожной реальности в текстах СМИ // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. Т. 26, № 3. С. 5–13. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.3.044
- Манакина О. Е., 2011. Протестная культура и политический дискурс: опыт Франции // Вестник МГИМО-Университета. № 2 (17). С. 128–134. DOI: 10.24833/2017-8160-2011-2-17-128-134
- Маринова Е. В., 2022а. Семантические доминанты новообразований 2020 года в аспекте кодирования действительности в русском языке // Русистика. Т. 20, № 4. С. 449–466. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-4-449-466
- Маринова Е. В., 2022б. Оппозиция человек – машина в языковой картине XXI века // Гуманитарный вектор. № 17 (22). С. 161–170. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170
- Маринова Е. В., 2023. Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов) // Научный диалог. Т. 12, № 1. С. 151–169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169
- Чапаева Л. Г., 2010. Идеологический дискурс 1830–1840-х годов: явные и скрытые смыслы лингвоидеологем // Вестник МГЛУ. № 22 (601). С. 9–18.
- Чудинов А. П., 2007. Политическая лингвистика. М. : Флинта : Наука. 256 с.
- Шейгал Е. И., 2004. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис. 326 с.
- XX века. Т. 3 / ред. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 1360 с.
- Сковородников, Копнина – Сковородников А. П., Копнина Г. А. Словарь современных политических ярлыков. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. 176 с.

REFERENCES

- Altukhov A.V., Afinskaya Z.N., 2021. K voprosu o plastichnosti termina ekosistema [On Plasticity of the Term “Ecosystem”]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 3, pp. 109-116.
- Boldyrev N.N., 2016. Kognitivnye skhemy yazykovoy interpretatsii [Cognitive Schemas of Linguistic Interpretation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 4, pp. 10-20. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20
- Volkov V.V., 2020a. Iskusstvennyy «intellect» i chelovecheskiy um: futuristicheskaya sinekdokha i realnost (lingvisticheskiy i lingvomentalnyy aspekty) [Artificial “Intelligence” and the Human Mind: Futuristic Synecdoche and Reality (Linguistic and Linguoamental Aspects)]. *Vestnik Rossiyskogo un-ta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 11, no. 4, pp. 745-759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759
- Volkov V.V., 2020b. «Tsifrovaya ekonomika»: lingvisticheskie i lingvomentalnye aspekty [“Digital Economy”: Linguistic and Linguoamental Aspects]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], pp. 135-139. DOI: 10.30853/filnauki.2020.7.24
- Volkov V.V., Volkova N.V., 2020. «Tsifrovaya tsivilizatsiya»: utopiya, antiutopiya ili simulyakr? [“Digital Civilization”: Utopia, Dystopia, or Simulacrum?]. *Gumanitarnoe znanie i dukhovnaya bezopasnost: sb. materialov VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Humanitarian Knowledge and Spiritual Security. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference]. Grozny, Makhachkala, Chechen. gos. ped. un-t, ALEF Publ., pp. 67-72.
- Kakorina E.V., 2000. Stilisticheskiy oblik oppozitsionnoy pressy [The Stylistic Image of the Opposition Press]. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian Language of the Late 20th Century (1985–1995)]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., pp. 409-426.
- Klementieva A.A., 2022. K voprosu o funktsionirovanii termina iskusstvennyy intellekt v sovremennom

ИСТОЧНИК

Интегрум : архивСМИ. URL: <https://search.integrum.ru>

СЛОВАРИ

НСЗ – Новые слова и значения : Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов

- nauchnom i publitsisticheskom diskurse [On the Issue of the Term “Artificial Intelligence” Functioning in Modern Scientific and Social-Political Discourse]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 4, pp. 14-23. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-14-23
- Knorre B.K., Murashova A.A., 2021. «V nachale bylo Slovo...», a v kontse budet chislo? Pravoslavie i antitsifrovoy protest v Rossii: s 1990-kh do koronavirusa [In the Beginning Was the Word; Will a Number Be in the End? Orthodoxy and Anti-digital Protest in Russia: From the 1990s to the Coronavirus]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 30, no. 2, pp. 146-166. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-146-166
- Kupina N.A., 2020. Pandemiya koronavirusa: metaforicheskaya diagnostika trevozhnoy realnosti v tekstakh SMI [Coronavirus Pandemic: Metaphoric Diagnostics of Anxious Reality in the Media Texts]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta . Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Bulletin of Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture], vol. 26, no. 3, pp. 5-13. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.3.044
- Manakina O.E., 2011. Protestnaya kultura i politicheskii diskurs: opyt Frantsii [Protest Culture and Political Discourse: French Case]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], no. 2 (17), pp. 128-134. DOI: 10.24833/2017-8160-2011-2-17-128-134
- Marinova E.V., 2022a. Semanticheskie dominanty novoobrazovaniy 2020 goda v aspekte kodirovaniya deystvitelnosti v russkom yazyke [Semantic Dominants of 2020 Neologisms as a Means of Coding Reality in the Russian Language]. *Rusistika* [Russian Language Studies], vol. 20, no. 4, pp. 449-466. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-4-449-466
- Marinova E.V., 2022b. Oppozitsiya chelovek – mashina v yazykovoy kartine XXI veka [Opposition “Man – Machine” in the Language Picture of the World of the 21st Century]. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian Vector], no. 17 (22), pp. 161-170. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170
- Marinova E.V., 2023. Evolyutsiya ponyatiya «virtualnaya lichnost» v tsifrovuyu epokhu (sotsiolingvisticheskoe issledovanie na materiale russkikh tekstov) [Evolution of Concept VIRTUAL PERSONALITY in Digital Age (A Sociolinguistic Study Based on Russian Texts)]. *Nauchmy dialog*, vol. 12, no. 1, pp. 151-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169
- Chapaeva L.G., 2010. Ideologicheskii diskurs 1830–1840-kh godov: yavnye i skrytye smysly lingvoideologem [The Ideological Discourse of the 1830–1840 Years: The Explicit and Implicit Senses of the Lingvoideologems]. *Vestnik MGLU* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], no. 22 (601), pp. 9-18.
- Chudinov A.P., 2007. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 256 p.
- Sheygal E.I., 2004. *Semiotika politicheskogo diskursa* [The Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnozis Publ. 326 p.

SOURCE

Integrum: arkhiv SMI [Integrum. Media Archive]. URL: <https://search.integrum.ru>

DICTIONARIES

- Novye slova i znacheniya: Slovar-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka. T. 3 [New Words and Meanings: A Handbook Dictionary in the Press and Literature of the 1990s. T. 3. Vol. 3]. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2014. 1360 p.
- Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. *Slovar sovremennykh politicheskikh yarlykov* [The Modern Political Labels Dictionary]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t, 2022. 176 p.

Information About the Author

Elena V. Marinova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Teaching Russian as a Native and Foreign Language, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina St, 31a, 603155 Nizhny Novgorod, Russia, marinova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>

Информация об авторе

Елена Вячеславовна Маринова, доктор филологических наук, профессор кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, ул. Минина, 31а, 603155 г. Нижний Новгород, Россия, marinova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>